

Ведущая **Наталья ЖУРАВЛЕВА**

Какое кино без музыки? Разве что — немое. И то без музыкального сопровождения оно смотрится без энтузиазма. Конечно, музыка — это сердце фильма, нервы и его пульс. Как говорит ведущий популярной телепередачи «Угадай мелодию»: «Сыграем сегодня в категории «Кино и музыка». Угадайте, кто написал мелодию к музыкальному гимну всех времен и народов «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...» Нет, не угадали, не «знатоки».

А к кинофильму «Ребята с нашего двора?» Нет, не Толкунова, хотя именно она пела эту песню «Деревянные лошадки». Кино-песни часто начинают жить своей жизнью, выходя на эстраду. И ассоциируются, к сожалению, с их исполнителями, а истинные создатели этих песен (авторы стихов и композиторы) остаются за кадром. Вы, например, точно скажете, что песню «Не отрекаются, любя» написала Алла Пугачева. Но это вовсе не так. Музыку к этой песне, как и все вышеперечисленные, как и многие другие — «Старый рояль», «Эти летние дожди», «Мой милый, если б не было войны», — написал композитор **Марк Минков**.

Он «оживил» своей музыкой 94 фильма. Правда, за последний (по его словам, «совершенно жуткий фильм») ему стыдно: «Надеюсь, его никогда никто не увидит...»

— **Марк Анатольевич, и все-таки как называется этот фильм?**

— Даже не хочу называть. Ни режиссера, ни кино. По-моему, его вообще заказал бандит в двух копиях: одну для себя, а другую для своего кунака. Какой-то горский бандит, который просто воспользовался бедствующим положением режиссера, как и моим, и предложил ЭТО. Я даже сказал режиссеру, что я буду под псевдонимом. Правда, деньги, заплатили без псевдонима.

— **Хорошие?**

— По тем временам — ох какие! 80 тысяч. Но лучше об этом не вспоминать.

— **Кого из режиссеров вы запомнили как наиболее интересного человека?**

— Даже не знаю. Трудно сказать. Они же все сумасшедшие. Вот, например, приходит ко мне Паша Чухрай и говорит: «Это ты все хорошо написал, Марк. Только вот здесь сыграй, пожалуйста, тише и левее». Как хочешь, так и понимай. А это значит — ниже и медленнее. Вот они все такие... Но интереснее всего, пожалуй, было работать с Кареном Шахназаровым. Он человек очень спокойный. Точно знает, чего он хочет, и может объяснить. Мы с ним сделали два фильма: «Добряки» и «Мы из джаза».

— **А какой был ваш первый фильм?**

— «Следствие ведут знатоки». Мне позвонили и предложили написать музыку к многосериальному телефильму. Сказали: две или три серии. Я говорю: «А где слова-то?» — «Слов нет. Ну напиши что-нибудь такое, чтоб запомнить было можно». Я тут же сел и написал. За шесть с половиной минут. Но не перезвонил. Как-то неудобно было. Я очень долго сомневался... Ну как это так: только позвонили, а я тут же написал. Только на записи я услышал самые знаменитые слова: «если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...» Я был в ужасе, говорю: «Толя, что ты написал?». Стихи написал Горохов Толя, который прославился тем, что он был первым исполнителем песни Бабаджаняна «Королева красоты», а в «Бременских музыкантах» спел за осла «Е-е». Но менять уже ничего было нельзя. И хотя сейчас все над этими словами смеются, с другой стороны, ведь было время, когда действительно кто-то кое-где у нас порой честно жить не хотел. Вот сейчас уже никто не может жить честно. Хотел бы, да не может...

— **А что было потом?**

— А потом, потом уже стали звонить и приглашать. Потом был фильм «Мы из джаза». Были многие фильмы, но мне, честно говоря, не о них интереснее говорить. Важно то, что из них выходили песни — так же, как из спектаклей. Вот, например, был спектакль в театре Пушкина, который мало кто видел. Назывался он «Мужчины, носите мужские шляпы». Автор его был Хмелик. Кто знает этот спектакль? Мало кто. А песню знают все — «Не отрекаются, любя». В Центральном детском театре был какой-то спектакль «Кто, если не ты?», а песню оттуда тоже знают все: «Эти летние дожди». Была такая песня «А знаешь, все еще будет». Фильм, снятый на студии Горького, назывался «Мы жили по соседству». Никто его не помнит, но именно из него вышла эта песня.

— **Почему? Я помню.**

— Странно...

— **А какая песня, кстати, была в «Добряках» Карена Шахназарова? Я не помню.**

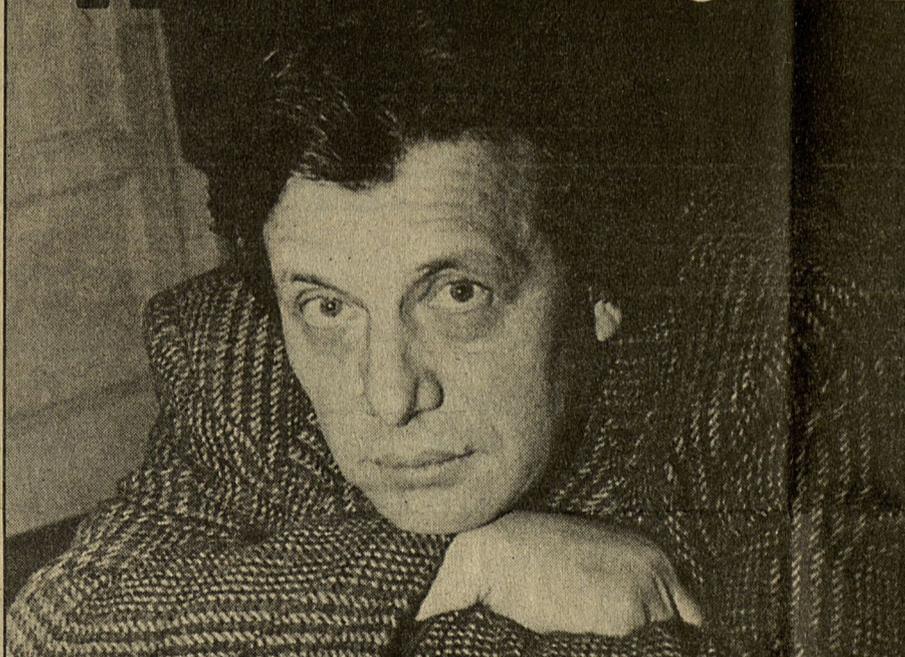
— В нем не было песен. Но в нем была главная тема, из которой потом появилась песня для Пугачевой: «Теперь я знаю — ты на свете есть, и каждую минуту...»

— **А «Мой милый, если б не было войны» — из какого фильма?**

— Ой, это была жуткая картина, тоже на студии Горького, — «Приказ: огонь не открывать». Вот из него она и появилась. И я к этому относился всегда именно так, как научил меня покойный Дербенев. Он говорил: «Кино может быть про то, как размножаются дельфины, но мы,

моск. комсомолец, — 1995 — 27 сент — с. 4

«ПОРА НЕСТИ

СВОЮ МОРДУ

В ТЕЛЕВИЗОР», —

решил композитор **Марк Минков**

вовлечь возможно, напишем песню, которая выйдет за пределы всего этого. И не будет иметь никакого отношения к кино.

— **Вы работали с Дербеневым?**

— У меня с ним мало песен. Все время мы думали: сейчас я занят, сейчас — ты, но каждый раз было ощущение, что у нас еще многое впереди. Уже все... У меня с ним было всего-навсего две песни. «Ты на свете есть»... А вторая — она не раскрылась. И была написана как раз для второй серии фильма «Приказ: огонь не открывать» и называлась «Вторая мировая». Сейчас я готовлю свой авторский диск из старых песен...

— **Что туда войдет?**

— Все старые песни: пугачевские — «Не отрекаются, любя», «Теперь я знаю: ты на свете есть», «Эти летние дожди», «Знаешь, все еще будет», «Монолог» на стихи Цветаевой, «Если б не было войны» и как раз «Вторая мировая». Я считаю своим долгом после Лёниной смерти сделать все возможное, чтобы эта песня стала бо-

лее известной, чем была при его жизни. Она этого заслуживает. Пел ее Иосиф Кобзон, но тогда она не понравилась начальству. Велели раскручивать первую. Ничего не поделаешь...

...Еще запишу на диск свою оперу «Белая гвардия».

— **Она где-то идет?**

— Ее хотели поставить в театре Моссовета. Я запретил. Потому что режиссер Хомский решил поучаствовать в создании. Вторгся в замысел и решил улучшить. Например, поет человек, вдруг кто-то внезапно начинает говорить. Леня Квинихидзе сейчас снимает какой-то 40-серийный фильм и просил у меня для него песню из этой оперы. Но я подумал: если я ее отдам, то тогда я должен распрощаться с моей «Белой гвардией».

— **Почему?**

— Ну, если бы это мое произведение было так же популярно, как «Кармен», тогда можно. Но оно же вообще никому не известно.

— **Это единственная ваша опера?**

— Нет, две детские оперы идут в театре Наталии Сац: «Волшебная музыка» и «Не буду просить прощения». «Волшебная музыка» получила гран-при на фестивале в Гамбурге. Я имел даже поздравительную телеграмму от товарища Рейгана, когда мы с детским театром приехали в Америку и она там пошла.

— **Что он писал?**

да не уехал...

Какое-то время я был в подполье. Потому что когда появилась вся эта чернуха и эти ребята, купившие синтезаторы, которые не зная нот, стали петь, при этом ни петь не могли, ни сочинять не умея, я понял: мне неинтересно с ними на одном конституционном поле какать. Я решил: пусть эти песни будут их личной радостью, а я не буду в этом участвовать... Это была ошибка, потому что мы все штучные люди. Умер Леня Дербенев. Уже не будет второго такого. Когда вымрет все наше поколение, дай бог, чтобы все стало лучше. Но на сегодняшний день я не вижу конкурентов ни Дербеневу, ни Шаферану, ни многим живущим. Уехал Тухманов — кто-нибудь занял его нишу? Никто. Я не был на эстраде четыре года. Кто-нибудь занял мою? Сомневаюсь.

— **Вам больше нравится писать музыку для эстрады, для кино или для театра?**

— Понимаешь, я профи, поэтому мне интереснее всего было писать вот эту мою оперу «Белая гвардия». Но для кино тоже интересно работать. Всегда интересно попробовать себя в разном, в чем-то новом. Когда тебя приглашают в кино — это всегда какая-то неожиданность. Вдруг предлагают написать музыку, условно говоря, о том, чего ты не знал никогда, не думал, что вообще такое бывает. Это как актеру, играющему все время комические роли, вдруг предлагают сняться в мелодраме. И выясняется, что он не только комик. Это все время новые роли, новые жизни. Я это люблю.

— **У вас есть любимые фильмы?**

— Есть. На сегодня — это фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем». Я вообще его дикий поклонник. Всегда был и остаюсь. Я показывал ему свою «Белую гвардию». Мы три часа просидели с ним, думая, что и как. Он хотел, правда, не кино из этого делать, а спектакль. Но сейчас он занимается нашим домом — Россией. Я боюсь, что, пока он этот дом не обустроит, мы к нашему проекту не вернемся.

— **Раньше журналисты традиционно задавали вопрос: с кем вы дружите? Сейчас понятие дружбы как-то расплылось. В основном дружат с теми, с кем выгодно дружить, или вообще ни с кем: уходят в себя, в семью. Даже и не знаешь, как вопрос сформулировать...**

— В общем, правильно. Я понял. У меня было много друзей — кто свалил, кто помер. И действительно жизнь сейчас так устроена, что мы дружим с теми, с кем мы работаем. Если человек тебе неприятен, то с ним не можешь работать, а если он приятен, то с ним начинаешь дружить. Причем эта дружба, что интересно, начинается в момент работы и заканчивается, когда работа кончается.

Меня потрясло, когда я делал первые фильмы и встречался с режиссерами, как они готовы были просто устлать розами каждый мой шаг. И эти такие добрые, такие милые, обаятельные люди — когда кончался фильм, я понимал, — они даже не позвонят, если я завтра помру, чтобы спросить, как моя жена и мой маленький ребенок. Я понимал, что это какая-то специфическая жизнь. А я не из семьи музыкантов, не из творческой элиты, поэтому для меня это было и остается каким-то непонятным делом. Но жизнь всех раскидывает... Даже друзей детства... С кем дружу сейчас? С Ларисой Рубальской. Она очень милый человек. Мы написали сейчас одну песню для Вайкуле, одну для Лещенко и одну для Пугачевой.

Его кумир — это Стинг... «Может быть, я консервативен, — говорит Марк, — но лучше него никого не вижу. Эх, был бы я молодой — занялся бы сейчас постановкой голоса и тоже пел бы свои песни сам, ни от кого не завися». И хотя старым его никак не назовешь, Минков — это уже история. Выросло поколение на его песнях.

Его учителем был знаменитый Арам Ильич Хачатурян, автор легендарного, тоже ставшего историей «Спартака». Он был для Марка не просто учителем. По его рекомендации Минкова после консерватории распределили не в Минск, где он точно погиб бы, потому что не умел готовить и, по словам своей бабушки, по этой причине женился бы на второй день. (А это ли не гибель для 20-летнего человека?) Минкова распределили на Центральное телевидение. Он проработал там год музыкальным редактором и честно назвал день своего увольнения счастливейшим днем своей жизни: «Ну, не мое...».

Арам Хачатурян относился к нему очень тепло; он мог сказать ему: «Марк, почему у вас такие старые ботинки, давайте я куплю вам новые. У вас есть деньги?» — «Есть, есть, что вы...» К нему Минков бежал за советом, когда предложили написать музыку к телесериалу «Знатоки». «Конечно, соглашайтесь, — сказал Хачатурян, — композитор должен уметь все. Мало ли как повернется жизнь».

Портрет Хачатуряна висит у Минкова дома на самом видном месте. На нем подпись: «Талантливому Марку Минкову с большими надеждами. Арам Хачатурян».

Минков оправдал его надежды.

Наталья ЖУРАВЛЕВА.